

Н.В. Гербель

Русские поэты в биографиях и образцах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.В. Гербель**
Русские поэты в биографиях и образцах / Н.В. Гербель – М.: Книга по Требованию, 2019. – 597 с.

ISBN 978-5-518-01111-3

ISBN 978-5-518-01111-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Покойный Н. В. Гербель, въ предисловіи ко второму изданію своей книги «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ», заявилъ, между прочимъ, что имѣлъ въ виду — «дать русской публикѣ возможно-полный сборникъ избранныхъ произведеній русскихъ поэтовъ *не только первостепенныхъ*, но и такихъ, которые написали всего какихъ-нибудь два-три стихотворенія». Вслѣдствіе такого, нѣсколько произвольнаго расширенія круга русскихъ поэтовъ, книга значительно увеличилась въ объемѣ, но ничего не выиграла въ отношеніи къ литературному своему достоинству, и въ новомъ изданіи требовала серіознаго пересмотра и даже нѣкотораго приспособленія къ тѣмъ требованіямъ, какія могутъ быть предъявлены къ такому сборнику, какъ «Русскіе Поэты».

Принявъ на себя редакцію третьяго изданія книги «*Русскіе Поэты*», я позволилъ себѣ, съ одной стороны, подвергнуть болѣе строгой критикѣ собранный въ ней матеріалъ, съ другой — внести болѣе правильности и соразмѣрности въ самый планъ всего сборника. На этомъ основаніи, я тщательно пересмотрѣлъ всѣ біографіи, написанныя Н. В. Гербелемъ, дополнилъ ихъ необходимыми запасомъ новыхъ фактовъ и сократилъ въ нихъ все то, что не представляло литературнаго интереса. Такъ же тщательно пересмотрѣлъ я и весь поэтическій матеріалъ, и внесъ въ него много стихотвореній, не попавшихъ въ предшествующее изданіе; съ другой стороны, я выключилъ изъ него всѣ драматическія произведенія, *писанныя прозой*, какъ вовсе не подходящія къ программѣ сборника.

Въ восполненіе образовавшихся въ книгѣ пробѣловъ, я внесъ въ нее все то, что почему-либо не попало въ предшествующія изданія сборника Гербеля, и при стихотворныхъ образцахъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ помѣстилъ краткія біографическія замѣтки, составленныя отчасти на основаніи свѣдѣній, полученныхъ мною отъ самихъ авторовъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ, какъ я полагаю, сборникъ Гербеля, несмотря на нѣкоторыя сокращенія, является «болѣе полнымъ» по своему внутреннему содержанію, и «болѣе цѣльнымъ» по составу собранныхъ въ немъ произведеній, и можетъ служить полезною настольною книгою для ознакомленія съ лучшими изъ оригинальныхъ произведеній русской поэзіи.

П. Полевой.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, чистые сердцемъ, вамъ, любящимъ Русь

Съ ея озерами — морями,

Съ ея неогляднымъ просторомъ полей,

Съ ея городами, рѣками,

Съ ея благодушнымъ народомъ, волной

Залившимъ отъ краю до краю

Равнины и степи родимой земли —

Вамъ новый мой трудъ посвящаю!

Всѣ эти жемчужины чистой воды,

Всѣ эти крупичицы-топазы,

Что такъ же, какъ жемчугъ, плѣвняютъ нашъ взглядъ

И блещутъ порой, какъ алмазы,

Я бережно собралъ — и нынѣ на судъ

Несу ихъ въ убогой кошницѣ:

Да славится жемчугъ! да снидетъ хвала

И въ блещущей искрой крупичицъ!

Н. ГЕРБЕЛЬ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ .

ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО КАРАМЗИНА.

М. В. ЛОМОНОСОВЪ.

Михайлъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ холмогорскаго рыбака, родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовѣ, лежащей на двинскомъ островѣ, Куростровской волости, недалеко отъ Холмогоръ. Въ это время весь дальній Сѣверъ былъ еще не только полонъ чудными разсказами о пребываніи Петра Великаго въ архангельскомъ и олоонецкомъ краяхъ, но разсказы эти уже приняли форму легендарную, и въ нихъ великій царь явился полубогомъ, по одному мановенію котораго стихаютъ бури, возникаютъ города и флоты и самыя гѣдра земныя выдаютъ ему всё сокровища. Весьма вѣроятно, что разсказы о Петрѣ Великомъ были первыми свѣдѣніями, усвоенными пытливымъ умомъ ребѣнка-Ломоносова, и Пѣтръ Великій сдѣлался идоломъ всей его жизни, съ колыбели, какъ это видно изъ его „Похвальнаго слова Петру Великому“, написаннаго уже въ зрѣломъ возрастѣ и въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Кому-жъ я героя нашего уподоблю? часто размышлялъ я. Какоеъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море? Дохидѣтъ духъ Его—и потекутъ воды; прикоснется горахъ—и воздымется. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: божества постигнуть не могутъ. Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. Италъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго, не обрѣтаю“. Отецъ Ломоносова, Василій Дорошеевъ, отправляясь на промыселъ по Бѣлому морю и Сѣверному океану, бралъ съ собою и сына. Провода гдѣто среди опасностей и бурь, въ совершаніи дѣлъ и величественныхъ картинъ

сѣверной природы, Михайло рано окрѣлъ духомъ и силами физическими. Выучившись грамотѣ у матери, а потомъ у дѣда, онъ вскорѣ сталъ лучшимъ чтецомъ въ околоткѣ, и любилъ читать и пѣть во время церковнаго богослуженія. Долго доволствовався Ломоносовъ чтеніемъ однихъ церковныхъ книгъ; но когда ему случайно попались въ руки „Славянская грамматика“ Смотрицкаго, „Арифметика“ Магницкаго и „Псалтирь“, переложенный въ стихи Симеономъ Полоцкимъ, онъ понялъ, что гдѣ-то, далеко, знаютъ много того, чего ему и во снѣ не грезилось. Выучивъ добытыя имъ книги наизусть, онъ захотѣлъ достать другія; но люди свѣдущіе, въ которыхъ онъ обращался съ разспросами, отвѣчали ему, что такия книги можно найти въ Москвѣ и Кіевѣ, гдѣ живутъ люди ученые. Тогда онъ задумалъ бросить всё ему дорогое—родину, семью, старика отца—бѣжать въ Москву и тамъ учиться. На семнадцатомъ году, въ одну зимнюю ночь, захвативъ съ собою свои заветныя книжки, онъ вышелъ, никѣмъ незамѣченный, изъ отцовскаго дома, настигъ обозъ съ рыбой, вышедшій наканунѣ изъ Денисовки, и съ нимъ пришѣлъ въ Москву. Тамъ случай свѣлъ его съ землякомъ, господскимъ прикащикомъ, который, узнавъ о причинѣ его бѣгства изъ дому родительскаго, познакомилъ его съ однимъ монахомъ Заиконоспасскаго монастыря, прося помѣститъ его въ монастырскую школу. Монахъ исполнилъ его просьбу—и Ломоносовъ былъ вскорѣ принятъ въ число учениковъ Заиконоспасскаго училища.

Быстро переходя изъ класса въ классъ, Ломоносовъ сталъ понимать по-латыни и по-гречески; но вскорѣ умъ его пересталъ удовлетворяться тонкостями схоластики—и предался изученію фи-

ники и математики. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Кіевскую академію; но и это заведеніе не удовлетворило его любознательности—и, ровно черезъ годъ, онъ вернулся въ Москву. Наконецъ, въ 1734 году, къ величайшей его радости, онъ былъ переведѣнъ въ гимназію при Санктпетербургской Академіи Наукъ, гдѣ посвятилъ себя исключительно изученію естественныхъ наукъ. По прошествіи двухъ лѣтъ, какъ лучший ученикъ, онъ былъ отправленъ, для окончанія курса наукъ, въ Германію, въ Марбургъ, къ славному тогдашнему философу и математику Вольфу. Отсюда, по совѣту самого Вольфа, подъ руководствомъ котораго Ломоносовъ проработалъ цѣлыхъ три года, переѣхалъ онъ въ Фрейбургъ, къ горному совѣтнику Генкелю, чтобы, подъ его руководствомъ, заняться на практикѣ изученіемъ металлургіи и горнаго дѣла. Черезъ годъ Ломоносовъ былъ снова въ Марбургѣ и усердно продолжалъ свои прежнія занятія. Въ концѣ того же 1739 года онъ написалъ свою первую оду: „На взятіе Хотина“. Эта ода есть первый поэтический опытъ Ломоносова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое тоническое стихотвореніе, написанное на русскомъ языкѣ, такъ-какъ стихи Тредьяковскаго, написанные прежде, хотя и были тоническіе, но, по крайнему своему неблагозвучію, не способствовали введенію у насъ тоническаго размѣра. Ода была встрѣчена въ Россіи всеобщимъ одобреніемъ. Баронъ Корфъ, тогдашній президентъ Академіи Наукъ, поднесъ ее императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которая приняла ее благосклонно и поручила благодарить автора. Въ 1740 году Ломоносовъ женился на дочери своего квартирнаго хозяина, и вскорѣ сдѣлался отцомъ. Эти обстоятельства, вмѣстѣ съ разгульною жизнью нѣмецкаго студента, которую онъ велъ въ Марбургѣ, дѣла свое время между аудиторіей и погребкомъ, въ которомъ собирались студенты пить пиво и балагурить, ввели Ломоносова въ неоплатные для него долги. Дѣлать было нечего: угрожаемый тюрьмою, онъ бѣжалъ изъ Марбурга, располагая обратиться въ Любекъ или въ Голландію, чтобы отсюда отправиться моремъ въ Петербургъ. На третій день своего побѣга, онъ встрѣтился съ прусскими вербовщиками и чуть было не попалъ въ прусскіе солдаты. Но ему удалось бѣжать, перейти вестфальскую границу и спокойно продолжать свой путь. Въ Амстердамѣ его приняли ласково; снабдили деньгами—и вотъ онъ въ Россіи, въ Петербургѣ, въ Академіи, гдѣ, вскорѣ по пріѣздѣ, его дѣлаютъ адъюнктомъ, а черезъ

пять лѣтъ назначаютъ профессоромъ физики и химіи.

Устроивъ дѣла, Михаилъ Васильевичъ вызвалъ свое семейство изъ Германіи—и провелъ всю остальную жизнь въ занятіяхъ науками, искусствами и словесностью. Дѣятельность Ломоносова не имѣетъ ничего себѣ равнаго. Если ему было много дано отъ Бога, то также много и сдѣлано было имъ въ жизни на пользу горячо любимой имъ родины. Польза и слава отечества были постоянными его цѣлями. Движимый ими, онъ вникалъ во всё, и отъ души жаждалъ дѣла, и дѣлалъ всё, что сдѣлать былъ въ силахъ. Всѣ привлекало его вниманіе; на всё отзывалась его душа. Начиналъ-ли онъ думать о томъ, какъ это мы говоримъ и пишемъ, какъ составились въ нашемъ языкѣ слова, чѣмъ они различаются между собою, какъ мы ихъ соединяемъ, чтобы выходила понятная рѣчь—и результатомъ его размышлений являлась „Русская грамматика“, трудъ, по тогдашнему времени, весьма цѣнный. Принимался-ли онъ за чтеніе нашихъ лѣтописей—сей часъ въ умѣ его зарождались вопросы: откуда идетъ Русь, какъ жили и что дѣлали наши предки, какою была въ древнія времена наша Россія?—и являлась „Древняя Россійская Исторія“, написанная имъ въ тѣ короткіе промежутки времени, которые оставались у него отъ постоянныхъ и тяжелыхъ работъ по Академіи. Запада-ла-ль въ его голову мысль, что въ нѣдрахъ Россіи много золота, серебра и другихъ металловъ—и начиналъ онъ думать о томъ, какъ слѣдуетъ добывать ихъ изъ земли—и книга „Первыя основанія металлургіи“ составлялась мало-по-малу, въ навиданіе занимающимся горнымъ дѣломъ.

Хотя Ломоносовъ, подобно Кантемиру, не былъ поэтомъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе онъ, всё-таки, стоитъ несравненно выше Кантемира не только какъ стихотворецъ, но и какъ поэтъ. Ломоносовъ, подобно Петру Великому, былъ гений всеобъемлющій. Ему были равно доступны и поэзія, и естествознаніе, и исторія, и всё свои знанія, всю свою опытность въ дѣлѣ науки онъ умѣлъ обратить на пользу русской литературы и поэзіи.

Послѣ Петра Великаго, съ новою жизнію народа, свѣжія силы Русской Земли являли истинно гениальныхъ людей по всемъ отраслямъ, на всѣхъ ступеняхъ общества; но всё эти гении были односторонни, были явленіями частными. „Было только однажды явленіе въ Россіи тотчасъ послѣ Петра“,

говорить Н. А. Полевой: „явленіе генія многосложнаго, изумительнаго своимъ разнообразіемъ, брошеннаго судьбою въ самыя низшія званія народа, вышедшаго изъ нихъ своею непобѣдимую волею, блеснувшаго потомъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ современной образованности—явленіе генія, боровагося съ жизнью, съ людьми, съ природою, съ самимъ собою, вѣчно устремленнаго въ томительное многоразличіе, вѣчно недовольнаго собою: этимъ явленіемъ былъ Ломоносовъ, имя у насъ народное, имя типовое. Онъ не только стихотворецъ, не только художникъ, не только ученый, не только писатель: въ его пламенной душѣ кипѣло всё, и подъ сосредоточенными лучами впечатлѣній, отовсюду летѣвшихъ въ его душу, всё сгорало въ ней, какъ алмазъ горитъ и углится подъ лучами соединенныхъ зеркалъ“. Но, не смотря на всю свою гениальность, Ломоносовъ не былъ поэтомъ,—и первая его ода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первое русское стихотвореніе, написанное правильнымъ размѣромъ, „Ода на взятіе Хотина“, принадлежало въ тяжѣлому и скучному роду *воспѣвательныхъ*, торжественныхъ похвальныхъ одъ. Впрочемъ, *воспѣвательный* взглядъ на поэзію созданъ не нашими первыми поэтами: такъ смотрѣли тогда на поэзію во всей просвѣщенной Европѣ, и потому нечего удивляться, что Ломоносовъ не уклонился отъ общаго пути. Гораздо лучше—его оды духовныя: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“ и „Подражаніе Іову“—до-сихъ-поръ поражающія читателя глубокимъ религиознымъ чувствомъ и звучностью своего стиха. Также очень хороши: переводъ „Оды на счастье“ Руссо и переложенія нѣкоторыхъ псалмовъ, напримѣръ: 1-го, 14-го и 145-го. Поэма „Петръ Великій“, за исключеніемъ двухъ-трехъ картинъ сѣверной природы, не удалась Ломоносову и не была окончена. Что же касается его трагедій „Тамира и Салимъ“ и „Демофонтъ“, написанныхъ по заказу, то онѣ, и при жизни автора, были осуждены даже той публикой, которая восхищалась трагедіями Сумарокова. Последнимъ изъ большихъ стихотворныхъ произведеній, написанныхъ Ломоносовымъ, было „Письмо о пользѣ стекла“—дидактическое стихотвореніе, въ видѣ эпистолы къ графу И. И. Шувалову. Стихъ „Письма“ такъ гладокъ и звученъ, что его до-сихъ-поръ еще приводятъ въ христоматіяхъ, какъ образецъ посланій.

28-го іюня 1762 года Екатерина II вступила на престолъ; 4-го апрѣля 1765 года скончался Ломоносовъ. „Вижу“, говоритъ умирающій Ломоносовъ

другу своему Штелину: „вижу, другъ, что мнѣ надо умереть. Равнодушно смотрю я на смерть, и только о томъ жалѣю, что не успѣлъ кончить начатаго мною для пользы отечества, славы наукъ и чести Академіи; жалѣю, чувствуя, что благія намѣренія мои исчезнутъ со мною“.

Когда печальная вѣсть о смерти Ломоносова пронеслась по Петербургу, громкія сѣтованія стали раздаваться повсюду; многіе говорили: „могъ бы еще пожить и потрудиться для славы и пользы отечества!“ Похороны Ломоносова были великолѣпны. Чуть не весь городъ сопровождалъ его въ послѣдній пріютъ, въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ онъ и похороненъ. На могилѣ его былъ воздвигнутъ его почитателемъ, графомъ Воронцовымъ, надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; другой—въ Архангельскѣ, на главной площади; а въ скоромъ времени будетъ поставленъ ему еще третій памятникъ—въ Холмогорахъ.

Ломоносовъ, будучи отъ природы угрюмъ и раздражителенъ, былъ крайне настойчивъ во всемъ задуманномъ имъ, а при случаѣ и мстителенъ, какъ мы это знаемъ изъ дѣла съ Шлецеромъ, котораго онъ едва не погубилъ, въ отмщеніе за оскорбленіе его авторскаго самолюбія. „Съ нимъ шутить было накладно“, говоритъ А. С. Пушкинъ. „Онъ вездѣ былъ тотъ же: дома, гдѣ всѣ его трепетали, во дворцѣ, гдѣ онъ диракъ за уши пажей, въ Академіи, гдѣ, по свидѣтельству Шлецера, не смѣли при немъ пикнуть“. Но при всемъ томъ, въ сущности, Ломоносовъ былъ скорѣе человекъ добрый, чѣмъ можно видѣть изъ статьи Батюшкова, въ которой авторъ приводитъ нѣсколько прекрасныхъ его поступковъ, въ которыхъ вполне высказалась его любящая и добрая душа. Сочиненія Ломоносова изданы были всего семь разъ: 1) Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Михайла Ломоносова. Слб. 1751. 2) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. Изданіе второе. М. 1757. 3) Собраніе сочиненій Ломоносова. Двѣ части. М. 1778. 4) Собраніе сочиненій М. В. Ломоносова. Слб. 1803 (Изданіе Академіи Наукъ). 5) Избранныя сочиненія Ломоносова (Изд. Перевѣсскаго). Слб. 1846. Три тома. 6) Сочиненія Ломоносова. Слб. 1847. (Изданіе Смирдина, помѣщенное въ „Полномъ Собраніи Сочиненій Русскихъ Авторъ“). 7) Собраніе сочиненій русскихъ писателей. I. Сочиненія Ломоносова. Слб. 1867.

I.

УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖИЕМЪ
ВЕЛИЧЕСТВѢ.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли
И Божія дѣла открыло.
Мой духъ, съ веселіемъ внимли!
Чудася яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

Когда-бы смертнымъ толь высоко
Возможно было повлѣтъ,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возрѣтъ,
Тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

Тамъ огненны вали стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны врутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ;
Горячи тамъ дожди шумятъ.

Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ Тобой одна.
О, коль пресвѣтлая лампада
Тобой, Боже, возжжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что Ты творить намъ повелѣлъ!

Отъ мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лѣсъ,
И взору нашему открылись,
Исполнены Твоихъ чудесъ.
Тамъ всякая вызываетъ плоть:
„Великъ Зиждитель нашъ, Господь!“

Свѣтило дневное блистаетъ
Лишь только на поверхность тѣлъ;
Но взоръ твой въ бездну проникаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ.
Отъ свѣтлости Твоихъ очей
Лѣтся радость твари всей.

Творецъ, покрытому мнѣ тьмою,
Простри премудрости лучи,
И, что угодно, предъ Тобой
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, бессмертный царь!

II.

ЮВЪ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человекъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Юву изъ тучи рекъ!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистаетъ
И гласомъ грома прерываетъ,
Словами небо колебаетъ—
И такъ его на распрю авалетъ:

„Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ:
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ,
Когда Я твердь земли поставилъ—
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть Мою?
Яви премудрость ты свою!

„Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тѣмъ новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Моё величество вѣщали;
Когда отъ солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда вошла луна въ ночи?

„Кто море удержалъ берегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

„Возмогъ-ли ты, хотя однажды,
Велѣть ранѣе утру быть
И нивы, въ день томящей жажды,
Дождёмъ прохладнымъ напоить,
Пловцу свободный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли трахнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сохнуть?

„Стремнинами путей ты разныхъ
Прошѣлъ-ли моря глубину,
И счѣлъ ли чудъ многообразныхъ

Стада, ходящїи по дну?
Отверались-ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою,
Со страхомъ, смертныя врата?
Ты стѣрѣ-ли адовы уста?

„Отѣсняя вихремъ облакъ мрачныя,
Ты солнце можешь-ли закрыть,
И воздухъ отустать прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить,
И вдругъ—быстротекущимъ блесномъ
И горь сердца трасующимъ тресномъ
Концы вселенной колебать,
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?

„Твоей-ли хитросьюзю валетаеъ
Орѣлъ, на высоту парѣ,
По вѣтру крыла простираеъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ,
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ
Что Я ему на пищу далъ—
Толь быстро око ты-ль создалъ?

„Возри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворѣнъ съ тобой:
Колючій тѣрнъ его охота
Безвредно поцпратъ ногой;
Какъ верви сплетены въ нѣмъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ нѣмъ рѣбра, какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотреть?

„Ты можешь-ли лемасаана
На удѣ вытануть на брегъ?
Въ самой срединѣ омеана
Онъ быстрый простираеъ бѣгъ;
Слѣзачимися чешуями
Покрываетъ, какъ мѣдными щитами;
Коньѣ и мечъ, и молотъ твой
Считаетъ за тростинки гнилой.

„Какъ жерновъ, сердце онъ имѣеъ,
И зубы—страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣеъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаеъ
И твёрдость оныхъ презираеъ:
Для вѣрности великихъ силъ
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.

„Когда во брани устремится,
То море, какъ котѣль, кипитъ,

Какъ печь, гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздражныя,
Какъ уголь, въ горнилѣ раскалённый;
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.
Кто можетъ стать противъ Меня?

„Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ-ли твоего совѣта
Для множества толпѣныхъ дѣлъ?
Какъ персть Я ваялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человека,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видѣ мною тебѣ Я далъ?“

Сіе, о смертный, рассуждая,
Представъ Змѣдителю власть!
Святую волю почитаю,
Имѣй свою въ терѣбныя часть.
Онъ всё на пользу нашу строитъ,
Казнить — кого, или поконитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси
И безъ роптанія проси.

III.

ИЗЪ ОДЫ „НА ДЕНЬ ВОСПЕШЕСТВІЯ НА ПРЕ-
СТОЛЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ“.

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сѣлъ, градѣвъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя дѣвѣ пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерааютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Своѣ богатство по земли...

Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежить!
Пространная твоя держава
О какъ тебя благодаритъ!
Возри на горы преввысоки,
Возри въ поля твои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течётъ:
Богатство въ оныхъ потаенно
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтётъ...

Хотя всегдашними снѣгами
 Покрѣта Сѣвера страна,
 Гдѣ мѣралями Борей крылами
 Твои завѣваетъ знамена;
 Но Богъ межъ лѣдистыми горами
 Великъ своими чудесами:
 Тамъ Лена чистою водою,
 Какъ Нилъ, народы напоетъ,
 И бреги, наконецъ, теряетъ,
 Сравнявшись морю шириной...

Широкое открыто поле,
 Гдѣ Музамъ путь свой простираты!
 Твоей великодушной волѣ
 Что можемъ за сѣбѣ воздать?
 Мы даръ твой до небесъ прославимъ
 И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
 Гдѣ солнца востокъ и гдѣ Амуръ
 Въ вѣлѣныхъ берегахъ крутится,
 Желая пакн возвратиться
 Въ твою державу отъ манжуръ...

Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
 Рѣкъ подобенъ океанъ;
 Небесной синевой одѣянъ,
 Павлина посрамляетъ вранъ.
 Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
 Что нестротою превышаютъ
 Одежду нѣжныхъ весны;
 Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
 И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
 Не знаютъ строгія зимы.

И се! Минерва ударяетъ
 Въ верхи Рифейски копійемъ:
 Сребро и золото истекаетъ
 Во всемъ наслѣдіи твоёмъ.
 Плутонъ въ разсѣлинахъ мятѣтся,
 Что Россамъ въ руки предаётся
 Драгой его металлъ изъ горъ,
 Который тамъ Натура скрыла:
 Отъ блеску дневнаго свѣтила
 Свирѣпный отвращаетъ взоръ.

О вы, которыхъ ожидаетъ
 Отечество отъ нѣдръ своихъ
 И видѣть таковыхъ желаетъ,
 Какихъ воевъ отъ странъ чужихъ —
 О, ваши дни благословенны!
 Дервайте нѣмъ, ободренны,
 Раченьемъ вашимъ показатъ,
 Что можетъ собственныхъ Платоновъ

И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
 Россійская земля рождать.

Науки юношей питаютъ,
 Отраду старцамъ подають,
 Въ счастливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастной — случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха
 И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пустыняхъ,
 Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
 Въ покоѣ сладки и въ трудѣ...

IV.

ИЗЪ „ПИСЬМА О ПОЛЬЗѢ СТЕКЛА“.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
 Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
 Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
 Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ
 краса.

Нерѣдко я для той съ Парнасскихъ горъ спускаюсь,
 И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
 Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
 Не камнямъ дорогимъ, не злату, но стеклу;
 И какъ я оное, хвала, воспоминаю,
 Не ломкость лживаго я счастья представляю.
 Не должно тлѣнности примѣромъ тѣе быть,
 Чего и сильный огонь не можетъ разрушить
 (Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель):
 Стекло имъ рождено, огонь его родиталь.
 Съ натурой нѣкогда онъ, произвестъ хотя
 Достойное себя и оныя дѣти,
 Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
 Гдѣ вѣчно онъ живѣтъ и борется съ водою,
 Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби затворилъ,
 Въ котормъ океанъ на брань къ нему входилъ;
 Напрягся мышцами и рамена подвинулъ,
 И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
 Внезапно чѣрный дымъ навѣлъ густую тѣнь,
 И въ ночь ужасную перемѣнился день.
 Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
 Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
 Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
 Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
 Изъ ней разжѣнная рѣка текла въ пучину,
 И свѣтъ, отчаясь, минилъ, что зрѣть свою судьбину.
 Но ужасу тому послѣдовалъ воевецъ: